

Мария Борисовна Кановская
1000 загадок, сказок, басен

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5015382

1000 загадок, сказок, басен: АСТ, Сова; М., СПб.; 2011

ISBN 978-5-17-065780-3, 978-5-17-072772-8

Аннотация

Сборник загадок, сказок и басен для детей от 5 до 10 лет.

Рисунки А. Рахманова, О. Серебряковой.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ	6
ЛИСА И ВОЛК	6
МЕДВЕДЬ – ЛИПОВАЯ НОГА	8
МЕДВЕДЬ И СОБАКА	10
ВОРОНА	12
ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ	14
ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК	15
МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА	17
ПЕТУШОК ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК	18
ЛИСА-ПОВИТУХА	21
ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ	22
ВОЛК-ДУРЕНЬ	24
ЗВЕРИ В ЯМЕ	26
НАПУГАННЫЕ ВОЛКИ	28
СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ	30
ХИТРЫЙ КОЗЕЛ	32
СКАЗКА О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ	33
МОРОЗКО	35
ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ	37
ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ	38
КАК ПЕТУШОК ПОДАВИЛСЯ	42
КУРОЧКА, МЫШКА И ТЕТЕРЕВ	43
БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ	44
ЛИСА И ЖУРАВЛЬ	45
ЛИСА И ТЕТЕРЕВ	46
ЛИСА И ЛАПОТЬ	47
ЛИСА И КОЗЕЛ	49
ВОЛК И ЛИСА	50
КАК ЛИСА ВОЛКУ ШУБУ ШИЛА	51
ВОЛК И КОЗЛЯТА	52
ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ	54
КОЗА-ДЕРЕЗА	55
ЗАЯЦ-ХВАСТА	58
ВОРОНА И РАК	59
КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ	60
КОТ И ЛИСА	61
КОЧЕТОК И КУРОЧКА	63
ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК	64
ЛИСА И ДРОЗД	65
ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА	67
ЛИСА И КУВШИН	68
ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК	69
НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ!	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

М. Б. Кановская

1000 загадок, сказок, басен

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказки любят дети и взрослые во всем мире. И это не удивительно, ведь сказка – настоящий кладезь мудрости, источник добра и светлых переживаний. Читая сказку, мы сочувствуем положительным героям и желаем им победить всех злодеев, встречающихся на пути. А дочитав сказку до конца, радуемся – ведь все закончилось хорошо!

В сказках о животных говорится о проделках и приключениях зверей, птиц, рыб и насекомых. Отношения между ними очень похожи на отношения между людьми. Характеры зверей тоже уподобляются некоторым человеческим характерам: Заяц трусоват, Волк жаден, Лиса хитра, Медведь глуповат. Благодаря сказкам мы учимся различать добро и зло, узнаем в себе черты характера некоторых героев – как положительные, так и отрицательные. Можно смело утверждать, что сказки помогают нам открыть в себе самые лучшие черты и избавиться от недостатков.

В сказках также можно увидеть зимние, летние, осенние и весенние пейзажи. Особенно много сказок придумано про зиму. Возможно, это связано с тем волшебным, сказочным настроением, которое приходит к людям в новогодние и рождественские дни. Когда-то зима считалась у крестьян временем отдыха: старый урожай уже собран, а новые посадки еще делать рано. Почему бы не посидеть в теплой избе и не посочинять сказки? А раз уж за окошком идет снег и свирепствует стужа, то и сказка выходит «зимней». Кроме того, зима приносит множество испытаний, в которых проявляются самые разные качества сказочных героев. Сразу становится ясно, кто добрый, а кто злой, кто трудолюбивый, а кто лентяй и лежебока.

В баснях заложены вековые истины, традиции, мудрость. Они помогают нам разобраться в себе и в других, лучше понять характеры и мотивы поведения людей. Мы читаем басни в минуты сомнений и раздумий о добре и зле, правде и лжи, любви и ненависти. Благодаря басням дети имеют возможность лишний раз посмотреть со стороны на самих себя и на свои взаимоотношения со сверстниками и взрослыми. Молодым басни помогают обрести смысл жизни, а пожилым – осмыслить пройденное. Одним словом, мудрые мысли веков необходимы людям любого возраста, поскольку стремление сориентироваться в нравственных вопросах, найти правильное решение и выбрать единственно возможный вариант поведения сопутствует нам на протяжении всей жизни.

Разгадывание загадок – увлекательное занятие! В давние времена их разгадывали всей семьей. Все главные дела сделаны, можно и отдохнуть. Усядутся рядом папа с сыном, мама с дочкой, бабушка с дедушкой – и начнется потеха! Кто самый смекалистый? Кто самый

наблюдательный? В этой книге мы постарались собрать самые лучшие сказки, басни и загадки. Очень хочется, чтобы вы получили удовольствие!

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ЛИСА И ВОЛК

Одна лукавая лисица захотела поесть рыбки, а не знала, где взять; думала, думала да и вздумала лечь на дорогу. И вот едет мужик с рыбой; вдруг у мужика лошадь остановилась; мужик и говорит сам про себя: «Что бы это значило, что там лежит?» Пошел посмотреть; смотрит – лежит лисица; он ее пнул, а она будто околела; он ее взял и положил в воз с рыбой и закрыл рогожей. Едет мужик, радуется, что лисицу нашел славную: оттаает, так снимет шкуру. А лисица в эту пору прогрызла дыру в саях да и спускает по рыбке в дыру, а мужик едет и ничего не замечает. Вот лисица чуть ли не всю рыбу выудила из воза, выскочила из-под рогожи – и в лес.

Мужик как-то остановился, посмотрел – лисицы нет, да и давай реветь; ревел-то он, ревел, да что сделаешь! «Экая проклятая! Ведь отогрелась, черт ее возьми! Ну, не дорого дана, не больно и жаль!» Он поехал вперед и не хватился рыбы. А лисица подобрала рыбку, сносила ее в свою лачужку да и лакомится. Приходит к ней волк и говорит: «Хлеб-соль, кумушка!» – «В хлев зашел, так двери ищи, куманек!» – «Ой, милая кумушка, ты еще рыбку ешь?» – «Как же! Сегодня маленько, бог дал, наудила!» – «Ой ли! Где ты удила?» – «В проруби, в проруби, мой миленький куманек!» – «А как?» – «Очень просто: только хвост погрузи в воду, так такие рыбины прицепятся, что любо-дорого! Чем дольше посидишь, тем больше наудишь; только не дергай скоро, дай заклевать; а если клевать не будет, то заговор читай: „Рыбка, клюнь – попади, меня за хвост потяни!“»

Куманек опрометью кинулся к проруби удить. Пришел и запустил хвост в воду. Вот сидит, сидит, а клева нет, да и только. И хвост у него так вмерз в прорубь, что и пятерым волкам не вытащить. Вот идет баба за водой и видит «рыбака». Стала она сначала гнать его словами: «Пошел ты к черту, прожора! Нашел место хвост полоскать!» Но видит, что волк – ни с места, подошла к нему и давай его коромыслом бить. Волк сколько ни ревел, ни бился, ни рвался, во все стороны ни метался, так хвост и не отрывался. А баба ему так набила бока, что, когда хвост оторвался, он кое-как уплелся. А лисица в это время прибежала в избу, где жила баба, и давай из квашни тесто есть. Маленькие ребята испугались, забрались все на печь и говорят лисице: «Не тронь, не меси, лиса, квашню! Мамка сама хлеб испечет!»

Но лиса, знай, свое делает: ест тесто, да и только; наелась так, что бока еле несет, а рыло и уши в тесте. И убежала из избы. Пошла, легла на дорогу, по которой куманьку идти. Лежит

и стонет, плутовка. Идет волк и говорит ей: «Нет, кумушка, плохой был лов; слава богу, только хвост проудил, а не голову! Ох, кумушка, а что это у тебя голова-то испроломана?» – «Молчи уж лучше, куманек, видишь, у меня голова вся испроломана коромыслом, и мозг вышел!» – «Ой, бедная, нечего делать, садись на меня, увезу до двора!»

Волк везет ее и думает: «Не мне хоть одному досталось!» А лисица едет и похохатывает: «Хи-хи-хи, битый небитого везет!»

Вот волк привез лису домой и говорит ей: «Не нужно ли духовника, кумушка любезная?» – «Нет, куманек любезный, не волнуйся, мне теперь получше! А тебе не дурно ли, мой друг?» – «Да вот не знаю, скоро ли кровь перестанет капать из хвоста, больно!» Лисица волку говорит: «Дай-ка я тебе заговорю кровь: как рукой снимет!» – «Заговори, кумушка!» Она и давай заговаривать: «Встань на камень, кровь не канет; стань на кирпич, кровь закипит; у сороки боли, у вороны боли, у сыча всех шибче! Ну, куманек, если не отвалится, и так переболит!»

(Фольклорный фонд им. проф. В. Н. Морохина. Записано В.Н. Морохиным со слов Александры Васильевны Алексеевой в 1970 г. в селе Большое Болдино.)

МЕДВЕДЬ – ЛИПОВАЯ НОГА

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошел посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

Воротился он домой и рассказывает старухе.

А она ему говорит:

– Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверное, это медведь проказит! Поди-ка, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошел караулить на ночь. Лег под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу – нагреб целое беремья и полез через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушел на трех лапах в лес.

Старик взял отрубленную лапу, принес домой:

– На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прядь.

Старуха прядет. А медведь сделал себе липовую ногу и пошел к старику со старухой.

Вот медведь идет, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

*– Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.*

Старуха услышала это и говорит:

– Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идет...

А медведь уже в сени вошел, дверь открывает, сам приговаривает:

*– Скрылы, скрылы, скрылы,
На липовой ноге,
На березовой клюке.
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядет,
Мое мясо варит.*

В те поры старик со старухой испугались.

Старик спрятался на полати под корыто, а старуха – на печь, под черные рубахи.

Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой да и угодил в подполье.

Тут собрался народ и убили медведя.

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Жили-были мужик да баба. Была у них собака верная. Смолоду сторожила она дом, а как пришла старость, так и брехать перестала.

Надоела она мужику. Вот он взял веревку, зацепил собаку за шею и повел в лес. Привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут горькие слезы, стало ему жалко.

Отпустил мужик собаку, а сам отправился домой.

Остался пес в лесу. Лежит под деревом голодный и проклинает собачью долю.

Вдруг идет медведь:

– Что ты, пес, здесь улегся?

– Хозяин меня прогнал.

– А что, пес, хочется тебе есть?

– Еще как хочется-то!

– Ну, пойдем со мной, я тебя накормлю.

Вот они и пошли. Попадается им навстречу жеребец. Медведь схватил жеребца. Жеребец упал. Медведь разорвал его и говорит собаке:

– На, ешь сколько хочешь, а как съешь все, приходи ко мне.

Живет собака, ни о чем не тужит. А как все съела да опять проголодалась, побежала к медведю.

– Ну что, брат, съел жеребца?

– Съел, опять приходится голодать.

– Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

– Знаю!

– Тогда пойдем, я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу ребенка, а ты догоняй меня да отнимай. Как отнимешь, отнеси хозяйке. Она за то станет тебя по-старому кормить.

Вот прибежал медведь на ниву, где бабы жнут, и унес ребенка.

Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат.

Откуда ни возьмись – прибежал пес, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад.

– Смотрите, – говорят бабы, – пес-то отнял ребенка!

Мать уж так рада-радешенька.

– Теперь, – говорит, – я этого пса ни за что не покину!

Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлебца:

– На, покушай!

А мужику говорит:

– Вот, муженек, эту собаку надо беречь да кормить: она нашего ребенка у медведя отняла.

Поправился пес, отъелся и живет припеваючи. Стал он медведю первый друг.

Один раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости.

– Здорово, пес! Ну, как поживаешь – хлеб поедает?

– Слава богу, – отвечает пес, – не жите, а масленица! Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу, хозяева загуляли, не увидят. Только ты войдешь – поскорее лезь под печку. Вот я, что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрался медведь в избу – под печку.

Собака видит, что гости и хозяева порядком развеселились, – и ну таскать со стола, угощать приятеля.

Медведь выпил стакан, выпил другой – и разобрало его. Гости затянули песни. И медведь стал свою песню заводить.

Собака его уговаривает:

– Не пой, а то беда будет.

Куда! Медведь не утихает, а все громче заводит песню.

Гости услышали вой под печью, похватили колья и давай медведя по бокам охаживать.

Насилу медведь вырвался, убежал.

Вот тебе и сходил в гости!

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

ВОРОНА

Жил да был старик. Поехал он в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-ехали – ногами по дороге. Хлобыстнул старик кобылу бичом треузлым и уехали ночью верст на пять-шесть, оглянулись – тут и есть, еще и с места не подались! Дорога худая, гора крутая, телега немазаная!

Ехали-ехали, до бору доехали. В бору стоят семь берез, восьмая – сосна виловата. На той сосне виловатой кукушечка-горюшечка гнездо свила и детей вывела. Откуда ни возьмись – скоробогатая птица, погуменная сова – серые бока, голубые глаза, суконный воротник, нос крючком, глаза – по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила, детей погубила и в землю схоронила.

Пошла кукушечка, пошла горюшечка к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синичку-рассы л очку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, к павлину-архиерею, к коршуну-исправнику, к грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву-старосте.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, павлин-архиерей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев-староста, синичка-рассылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайная полиция: сыч и сова, орел и скопа. «Что есть на белом свете за скоробогатая птица, погуменная сова – серые бока, голубые глаза, суконный воротник?»

И догадались, что ворона. И присудили ворону наказать: привязали ко грядке ногами и начали сечь по мягким местам. И ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не опрашиваете!» – «Кто у тебя есть свидетель?» – «У меня есть свидетель воробей». – «Знаем мы твоего воробья – ябедника, клеветника и потаковщика. Крестьянин поставит нову избу – воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу топит, тепло в избу пропускает, а воробей – на улицу выпускает!»

Неправильного свидетеля сказала ворона, и наказывают ворону пуще того. И ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не опрашиваете!» – «Кто у тебя есть свидетель?» – «У меня есть свидетель жолна!» – «Знаем мы твою жолну – ябедницу, клеветницу и потаковщицу! Стоит в лесу липа, годится на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит, дождь пошел, липа и сгнила – не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделать!»

Неправильного свидетеля назвала ворона, пуще того ее стегают. Опять ворона взмолилась: «Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не опрашиваете!» – «Кто

у тебя есть свидетель?» – «У меня есть свидетель последний – дятел!» – «Знаем мы твоего дятла – ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород, а дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил; дождь пошел, огород размылся и развалился!»

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала: «Из-за кукушечки, из-за горюшечки, из-за ябедницы я, ворона-праведница, пострадала! Ничем крестьянина не обижаю: поутру рано на гумно вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю – тем себе и пищу добываю! Она, кукушечка, она, горюшечка, она, ябедница, она, клеветница! Крестьянин нажмет один суслон, кукушечка прилетит и тот сдолбит! Больше того под ноги спустит!»

И выслушали Воронины слова. И ворону подхватили, на красный стул посадили. А кукушечку-горюшечку, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет, а поглянется – живи хоть весь век!

И теперь кукушка в лесу проживает и гнезда не знает!

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летела сова – веселая голова; вот она летела, летела и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летела, летела и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля; построили они себе по концам болота избушки. И вот показалось журавлю скучно жить одному и задумал он жениться: «Дай пойду посватаюсь к цапле!»

Пошел журавль – тят, тят! – семь верст болото месил; приходит и спрашивает: «Дома ли, цапля?» – «Дома». – «Выходи за меня замуж». – «Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, да и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль, как несолоно хлебал, ушел домой.

Цапля же потом передумала и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» – «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» Цапля заплакала от стыда и воротилась назад. Журавль же передумал и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться, поди за меня...» – «Нет, журавль, не пойду за тебя замуж! Ступай прочь, долговязый!» И пошел журавль опять домой несолоно хлебавши.

Тут цапля передумала: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше пойду за журавля замуж!» Приходит свататься, а журавль не хочет ее замуж брать.

Вот так и ходят они до сих пор один к другому свататься, да никак не женятся.

ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК

Жила муха-горюха. У одной хозяйки был сметаны горшок. Ну вот, муха-горюха летела, перевернула его и назвала теремом.

Бежит блоха: «Кто в терему, кто в высоком?» А муха отвечает: «Я – муха-горюха, а ты кто?» – «Я – блоха-посакауха. Пусти меня на подворье!» – «Иди».

Летит комар: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, а ты кто?» – «Комар-пискун. Пустите меня на подворье!» – «Поди!»

Таракан бежит: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун... А ты кто?» – «Таракан-шеркун! Пустите меня на подворье!» – «Ну, иди!»

Вот уж четверо живут. Бежит ящерица, спрашивает: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун... А ты кто?» – «Ящерица-ширикаленка! Пустите меня!» – «Иди!»

Живут. Бежит мышь: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка... А ты кто?» – «Мышь – толста колоколенка... Пустите меня!» – «Иди!»

Бежит горноста́й: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка, мышь – толста колоколенка... А ты кто?» – «Я – горноста́люшко-чирикалюшко! Пустите меня!» – «Что ж, иди».

Вот уж их сколько! Живут да живут. Бежит зайко: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Я, муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка, мышь – толста колоколенка, горноста́люшко-чирикалюшко... А ты кто?» – «Я – заюшко-попытаюшко, ушки долги, ножки коротеньки». – «Иди к нам!»

Вот живут. Бежит лисица: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка, мышь – толста колоколенка, горноста́люшко-чирикалюшко, заюшко-попытаюшко... А ты кто?» – «Лисица – подхила гузница... Пустите меня!» – «Поди!»

Тоже лисицу пустили. Бежит волк: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка, мышь – толста колоколенка, горноста́люшко-чирикалюшко, заюшко-попытаюшко, лисица – подхила гузница... А ты кто?» – «Волчище – большой ротище... Пустите меня!»

Пустили и того. Идет медведь: «Кто в терему, кто в высоком?» – «Муха-горюха, блоха-посакауха, комар-пискун, таракан-шеркун, ящерица-ширикаленка, мышь – толста колоко-

ленка, горносталюшко-чирикалюшко, заюшко-попытаюшко, лисица – подхила гузница, волчище – большой ротище... А ты кто?» – «Медведище – толсты пятища». – «Иди, к нам!»
Он их всех лапой и задавил.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит: «Мужик, я тебя заломаю!» – «Нет, не трогай: я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки!» – «Быть так, – сказал медведь, – а коли обманешь – так в лес по дрова ко мне хоть не езд!» Сказал и ушел в дубраву.

Пришло время, мужик репу копает, а медведь из дубравы вылезает: «Ну, мужик, давай делить!» – «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе вершки», – и отвез ему воз ботвы. Медведь остался доволен честным разделом.

Вот мужик наклал свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» – «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать». – «Дай-ка попробовать, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь съел и заревел: «А-а-а! Ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки! Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!»

Мужик воротился из города и боится ехать в лес; пожег и полочки, и лавочки, и кадошки, да делать нечего – надо в лес ехать. Въезжает потихонечку, откуда ни возьмись – лиса. «Что ты, мужичок, – спрашивает она, – так тихо бредешь?» – «Боюсь медведя: сердит на меня, обещал задрать». – «Не бойся медведя, руби дрова, а я стану порскать; коли спросит медведь: „Что такое?“ – скажи: „Ловят волков и медведей“».

Мужик принялся рубить, глядь – а медведь бежит и кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей!» – «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой – авось подумают, что колода лежит!» Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить в голову, пока он совсем не окочурился.

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» – «А вот, околел!» – «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить». – «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу!»

Мужик едет, а лиса впереди бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу.

Пустилась она к лесу и юрк в нору; спряталась в норке и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы делали, когда я бежала?» – «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не споткнулась». – «А вы, ушки, что делали?» – «А мы все слушали, далеко ли псы гонят». – «А ты, хвост, что делал?» – «Я-то, – сказал хвост, – все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала!» – «А-а, каналья! Так пусть же тебя собаки едят!»

И высунув из норы хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!» Собаки за хвост потащили и лисицу из норы вытащили...

Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

ПЕТУШОК ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок Золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке.

Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят, строго наказывают:

– Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

*– Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масля на головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку*

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

*– Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..*

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

– Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

*– Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масля на головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку*

Петушок сидит, помалкивает. А лиса опять:

*– Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...*

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.
Закричал петушок:

*– Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..*

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису – кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

– Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса – тут как тут: села под окошечко и поет:

*– Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масля на головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку*

Петушок сидит, помалкивает. А лиса опять:

*– Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...*

Петушок все помалкивает. А лиса опять:

*– Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...*

Петушок тут и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал – кот и дрозд не слышали его. А когда вернулись домой – петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по Лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к Лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

– Трень, брень, гусельцы,

*Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?*

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю – кто это так хорошо на гусях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили – и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили-были кум с кумой – волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; и вот лежит она с кумом в избушке да украдкой хвостиком постукивает. «Кума, кума, – говорит волк, – кто-то стучит!» – «А, знать, меня на повой зовут!» – бормочет лиса. «Так поди», – говорит волк.

Вот кума из избы да прямехонько к меду; нализалась и вернулась назад. «Что бог дал?» – спрашивает волк. «Початочек», – отвечает лисица.

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится», – говорит волк. «На повой, знать, зовут!» – «Так сходи!»

Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта; медку только на доньшке осталось. Приходит к волку. «Что бог дал?» – спрашивает ее волк. «Середышек!»

В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что бог дал?» – спрашивает ее волк. «Поскребышек!»

Долго ли, коротко ли – прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду – ни капли. «Кума, кума, – кричит волк, – ведь мед съеден!» – «Как съеден?

Кто же съел? Кому кроме тебя!» – закричала лисица.

Волк и крестится, и божится. «Ну, хорошо! – говорит лисица. – Давай ляжем на солнышке: у кого вытопится мед, тот и виноват!»

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум, – толкает волка, – это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла!

(Фольклорный фонд им. проф. В. Н. Морохина. Записано Краснопевцевой Т. Ф. со слов Мамонтовой Зинаиды Александровны 1950 года рождения в г. Нижнем Новгороде, 20 апреля 2000 года.)

ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика – лубяная; пришла весна – у лисицы избенка растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться да зайчика-то и выгнала. Идет зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф-тяф-тяф! Про что, зайчик, плачешь?»

А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы – ледяная, попросилась она ко мне да меня и выгнала». – «Не плачь, зайчик! – говорят собаки. – Мы ее выгоним». – «Нет, не выгоните!» – «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф-тяф-тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну – пойдут клочки по заулочкам!» Собаки испугались и убежали.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы – ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала». – «Не плачь, зайчик! – говорит медведь. – Я выгоню ее». – «Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню!» Пошли гнать. Медведь заревел: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну – пойдут клочки по заулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» – «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы – ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала». – «Пойдем, я ее выгоню». – «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, медведь гнал – не выгнал, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню!» Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну – пойдут клочки по заулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой: «Ку-ка-ре-ку! О чем, зайчик, плачешь?» – «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы – ледяная; попросилась она ко мне да меня и выгнала». – «Пойдем, я ее выгоню». – «Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, медведь гнал – не выгнал, бык гнал – не выгнал, и ты не выгонишь». – «Нет, выгоню!» Подошли к избенке. Петух: «Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услышала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она: «Шубу надеваю...» Петух в третий раз: «Ку-ка-ре-ку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица выбежала, а петух ее зарубил косой, и стали они с зайчиком жить да поживать.

Вот вам сказка, а мне кринка масла!

(Фольклорный фонд им. проф. В. Н. Морохина. Записано Краснопевцевой Т. Ф. со слов Мамонтовой Зинаиды Александровны 1950 года рождения в г. Нижнем Новгороде, 20 апреля 2000 года.)

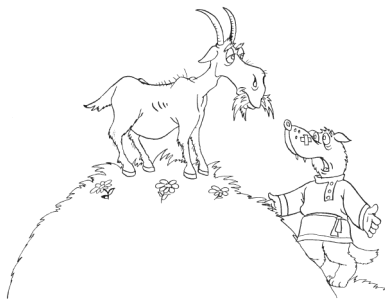
ВОЛК-ДУРЕНЬ

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость – и брехать перестала. Надоела она хозяину. Вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидал его и говорит:

«Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дома, а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!» – «А что ты хочешь, серый волчок, со мною сделать?» – «Да немного: съем тебя со всей шкурой и костями!» – «Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; так уж после вкусной говядины станешь ты есть старое и худое песье мясо! Зачем тебе понапрасну ломать свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко да тогда и делай со мною, что угодно!» Волк послушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы: «Вот тебе и кобылятинка! Смотри, поправляйся!» Сказал и ушел.

Собака стала прибирать мяско и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю: «Ну, брат, поправился али нет?» – «Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!» Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в ложине и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее; ухватил за шиворот и потащил к собаке: «Вот тебе овца, поправляйся!»

Стала собака поправляться; съела овцу и почуяла в себе силу. Пришел волк и спрашивает: «Ну что, брат, каков теперь?» – «Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!» Волк добыл и кабана, принес и говорит: «Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости!» – «Ну ладно, – думает собака, – через два дня я с тобою справлюсь». Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать. «Ах ты, мерзкий кобель, – зарычал серый волк, – смеешь ты меня бранить?!» – и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать. Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался да бежать скорее; отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай – опять припустился.

Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки.

«Ишь как обманул мерзкий кобель! – говорит волк сам с собою. – Постой же, теперь на кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!»

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит – на горе стоит большой козел; он ему и говорит: «Козел, а козел! Я пришел тебя съесть!» – «Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть: я разбегусь да так прямо к тебе в рот – ты меня и проглотишь!» Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме: полетел с горы, как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что тот с ног свалился. А козел и был таков!

Часа через три очнулся волк, голову так и ломит от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Дум ал-дум ал, гадал-гадал: «Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!»

Сказал волк и пустился к деревне; увидал свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка, а свинья не дает. «Ах ты, свиная харя! – говорит ей волк. – Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу!» А свинья отвечает: «Ну, до сей поры не ругала я тебя, а теперь скажу, что ты большой дурачина!» – «Как так?» – «А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились: надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить!»

Волк согласился. Пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку: «Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать». Волк обрадовался, думает: «Вот когда попадет в зубы добыча-то!» Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет – и потащила за собой волка и начала его вертеть! А свинья с поросятами отправилась домой; пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи: насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго терпел он голод, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падаль. «Хорошо, – думает, – вот придет ночь, наемся хоть этой падали». Нашло на волка неурожайное время – рад и падалью поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да по-волчьи песенки распевать!

Пришла ночь; волк направился к гумну и стал уписывать падаль. А охотник уж давно его поджидал – приготовил для приятеля пару хороших орехов; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головой.

Так и окончил свою жизнь серый волк!

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Жили себе старик со старушкой, и у них только и было имения, что один боров. Пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет волк.

– Боров, боров, куда ты идешь?

– В лес, желуди есть.

– Возьми меня с собою.

– Я бы взял, – говорит, – тебя с собою, да там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь.

– Ничего, – говорит, – перепрыгну.

Вот и пошли; шли, шли по лесу и пришли к этой яме.

– Ну, – говорит волк, – прыгай.

Боров прыгнул – перепрыгнул. Волк прыгнул, да прямо в яму. Ну, потом боров наелся желудей и отправился домой.

На другой день опять идет боров в лес. Навстречу ему медведь.

– Боров, боров, куда ты идешь?

– В лес, желуди есть.

– Возьми, – говорит медведь, – меня с собою.

– Я бы взял тебя, да там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь.

– Небось, – говорит, – перепрыгну.

Подошли к этой яме. Боров прыгнул – перепрыгнул; медведь прыгнул – прямо в яму угодил. Боров наелся желудей, отправился домой.

На третий день боров опять пошел в лес желуди есть.

Навстречу ему косой заяц.

– Здравствуй, боров!

– Здравствуй, косой заяц!

– Куда ты идешь?

– В лес, желуди есть.

– Возьми меня с собою.

– Нет, косой, там яма широка, глубока, ты не перепрыгнешь.

– Вот перепрыгну, как не перепрыгнуть!

Пошли и пришли к яме. Боров прыгнул – перепрыгнул. Заяц прыгнул – попал в яму. Ну, боров наелся желудей, отправился домой.

На четвертый день идет боров в лес желуди есть. Навстречу ему лисица; тоже просится, чтоб взял ее боров с собою.

– Нет, – говорит боров, – там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь!

– Ай, – говорит лисица, – перепрыгну!

Ну, и она попала в яму.

Вот их набралось в яме четверо, и стали они горевать, как им еду добывать. Лисица и говорит:

– Давайте-ка голос тянуть; кто не встанет – того и есть станем.

Вот начали тянуть голос; один заяц отстал, а лисица всех перетянула. Взяли зайца, разорвали и съели. Проголодались и опять стали уговариваться голос тянуть: кто отстанет – чтоб того и есть.

– Если, – говорит лисица, – я отстану, то и меня есть, все равно!

Начали тянуть; только волк отстал, не мог тянуть голос. Лисица с медведем взяли его, разорвали и съели.

Только лисица надула медведя: дала ему немного мяса, а остальное припрятала от него и ест себе потихоньку. Вот медведь начинает опять голодать и говорит:

– Кума, кума, где ты берешь себе еду?

– Экий ты, кум! Ты возьми-ка просунь себе лапу в ребра, зацепись за ребро – так и узнаешь, как есть.

Медведь так и сделал, зацепил себя лапой за ребро, да и околел. Лисица осталась одна. После этого, убрамши медведя, начала лисица голодать.

Над этой ямой стояло древо, на этом древе вил дрозд гнездо. Лисица сидела, сидела в яме, все на дрозда смотрела и говорит ему:

– Дрозд, дрозд, что ты делаешь?

– Гнездо вью.

– Для чего ты вьешь?

– Детей выведу.

– Дрозд, накорми меня, если не накормишь, я твоих детей поем.

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить. Полетел в село, принес ей курицу. Лисица курицу убрала и говорит опять:

– Дрозд, дрозд, ты меня накормил?

– Накормил.

– Ну, напои ж меня.

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу напоить. Полетел в село, принес ей воды. Напилась лисица и говорит:

– Дрозд, дрозд, ты меня накормил?

– Накормил.

– Ты меня напоил?

– Напоил.

– Вытащи ж меня из ямы.

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу вынимать. Вот начал он палки в яму метать; наметал так, что лисица выбралась по этим палкам на волю и возле самого древа легла, протянулась.

– Ну, – говорит, – накормил ты меня, дрозд?

– Накормил.

– Напоил ты меня?

– Напоил.

– Вытащил ты меня из ямы?

– Вытащил.

– Ну, рассмеши ж меня теперь.

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу рассмешить.

– Я, – говорит он, – полечу, а ты, лиса, иди за мною.

Вот хорошо, полетел дрозд в село, сел на ворота к богатому мужику, а лисица легла под воротами. Дрозд и начал кричать:

– Бабка, бабка, принеси мне сала кусок! Бабка, бабка, принеси мне сала кусок!

Выскочили собаки и разорвали лисицу.

Я там была, мед-вино пила, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синий кафтан; я пошла, а вороны летят да кричат:

– Синь кафтан, синь кафтан!

Я думала: «Скинь кафтан», – взяла да и скинула. Дали мне красный шлык. Вороны летят да кричат:

– Красный шлык, красный шлык!

Я думала, что «краденый шлык», скинула – и осталась ни с чем.

(В обработке А. Н. Афанасьева.)

НАПУГАННЫЕ ВОЛКИ

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клок – и тот пополам, а коли вилы в бок – так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник – каждый час на промысле, и где плохо лежит – тут у него и брюхо болит!

Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают; откуда ни взялся котишко-мурлышко, серый лобишко, идет да так жалостно плачет! Козел да баран и спрашивают: «Кот-коток, серенький лобок! О чем ты плачешь, почему на трех ногах скачешь?» – «Как мне не плакать? Била меня старая баба; била, била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасла!» – «А за какую вину такая тебе гибель?» – «Эх, за то гибель была, что себя не опознал да сметанку слизал!» И опять заплакал кот-мурлышко. «Кот-коток, серый лобок! О чем же ты еще плачешь?» – «Как не плакать? Баба меня била да приговаривала: „Ко мне придет зять, где будет сметаны взять? Хочешь не хочешь, а придется заколоть козла да барана!“» Заревели козел и баран: «Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!»

Тут мурлышко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроем думать: как быть и что делать? «А что, середний брат баранко, – спросил мурлышко, – крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота!» Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат, мрасище-козлище, пробежался, ударился – и ворота отворились...

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется; бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот – серый лоб. Устал он и взмолился названным братьям: «Ни то старший брат, ни то средний брат! Не оставьте меньшого братишку на съедение зверям!» Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, подолам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, под тем крутищем – скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят. Остановились козел, баран и кот отдыхать, а ночь была осенняя, холодная. «Где огня добыть?» – думают козел да баран.

А мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном, да так крепко, что искры из глаз посыпались: берестечко так и вспыхнуло! «Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся». Да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь – жалуется незванный гость, мужик-серячок Михайло Иванович. «Пустите, – говорит, – обогреться да отдохнуть: что-то неможется!» – «Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек! Откуда, брат, идешь?» – «Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться».

Стали вчетвером темну ночь делить: медведь – под стогом, мурлышко – на стогу, а козел с бараном – у огня. Идут семь волков серых, восьмой белый – и прямо к стогу, «фу-фу, – гово-

рит белый волк, – нерусским духом пахнет. Какой такой народ здесь? Давайте силу пытаться!» Заблеяли козел и баран от страха, а мурлыко такую речь повел: «Ахти, белый волк, над волками князь! Не сердит нашего старшего: он, помилуй бог, сердит! Как расходится, никому несдобровать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и сила, бороною он зверей побивает, а рогами только кожу сымает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть с твоим меньшим братишкой, что под стогом-то лежит!» Волки козлу поклонились, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился, крепился да как хватит на каждую лапу по волку: запели они Лазаря, выбрались кое-как, да, поджав хвосты, подавай бог ноги!

А козел да баран тем временем подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли. А волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана.

Видит кот – серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать: «Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, мурлыко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек, а ты, большой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!» Только сказал он эти речи, как козел сорвался с дерева и упал рогами прямо на волка. А мурлыко, знай, свое кричит: «Держи его, лови его!» Тут на волков такой страх нашел, что со всех ног припустились они бежать без оглядки.

А козел, баран да кот – серый лобок быстрехонько побежали домой.

СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Попался было бирюк в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить за ним. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а в ту пору шел по ней с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонятся». Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» – спрашивают они. «Нет, не видал!» – отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» – спросил бирюк. «Ушли». – «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк и говорит: «А что, мужик, я тебя съем!» – «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» – «Старая хлеб-соль забывается», – отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, делать нечего – съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» – и рассказал ей все, как было. Кобыла подумал а-подумал а и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне немого-то работать, он взял да и стащил меня под яр; уж я лезла, лезла – насилу вылезла и теперь вот плетусь куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Видишь, моя правда!» – молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб тот подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать, он прогнал меня со двора, и вот я плетусь куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи:

«А там делай, как знаешь, коли хлеба-соли моей не помнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик рассказал ей все и повторил свой вопрос. Лиса говорит: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?» И бирюк, и мужик побожились, что это истинная правда, но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажи, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову

прятал в мешок?!» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок, – продолжала лиса, – покажи, как ты мешок завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик и начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты колосья отворачивал?» Мужик стал отворачивать голову бирюку да задел и лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

ХИТРЫЙ КОЗЕЛ

Жил старик со старухой. У них никого не было, только один козел. Этот козел три года за печкой жил.

Вот бежит козел по полю, побежал вдоль по дорожке, а ему волк навстречу. Испугался козел, убежал козел на двадцать метров в лес и спрашивает у волка:

– Не видал ли ты, волк, двух волков – двух брателков?

– На что тебе-то их?

– Подраться, побороться, побаталиться!

Испугался волк и говорит:

– Видал – они за двумя болотами, за осиновыми колодами...

Козел опять побежал вдоль по дорожке и опять ему навстречу волк. Испугался козел, на пять метров в лес убежал и спрашивает:

– Не видал ли ты двух волков – двух брателков?

– На что тебе их?

– Подраться, побороться, побаталиться!

– Ну-ка, давай со мной бороться!

Ему козел и говорит:

– Давай. Мне ведь надо рогами – так давай разбежимся!

Согласился волк. Стал козел разбегаться – да и убежал домой.

А волк и доныне его ждет в лесу.

(В обработке В. Н. Серебренникова, а также М. В. Толстикова.)

СКАЗКА О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своими маленькими ребятишками; пошел он в Кам-реку, из Кам-реки – в Трос-реку, из Трос-реки – в Кубенское озеро, из Кубенского озера – в Ростовское озеро. И в этом озере выпросился остаться на одну ночку, от одной ночки – на две ночки, от двух ночек – на две недели, от двух недель – на два месяца, от двух месяцев – на два года, а от двух годов жил тридцать лет.

Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведного – рыбу сом с большим усом: «Будь ты, – говорят, – нашим судьей!»

Сом послал за ершом, добрым человеком, и говорит: «Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?» – «Потому, – говорит, – я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху и запустело!» – «Ни вовек, – говорит сом, – наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, письменные грамоты?» – «Есть у меня в том свидетели и письменные грамоты: сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила – и понынче у нее красны!»

И посылает сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики) зовут сорогу-рыбу: «Сорога-рыба! Зовет тебя рыба сом с большим усом пред свое величество!»

Сорога-рыба, не дошедши сом-рыбы, кланялась. И говорит ей сом: «Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» – «Ни вовек, – говорит сорога-рыба, – не гарывало наше озеро!» Говорит сом: «Слышишь, ерш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза обвинила!»

А сорога тут же примолвила: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповаet. «Есть же у меня, – говорит, – в том свидетели и письменные грамоты: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил – и понынче у него крылья красны!»

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики) приходят и говорят: «Окунь-рыба! Зовет тебя рыба сом с большим усом пред свое величество!»

И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» – «Ни вовек-то, – говорит, – наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе: «Есть же у меня в том свидетели и письменные грамоты: щука-рыба, вдова честная, скажет истинную правду! Она на пожаре была, головешки носила – и понынче черна!»

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государственные посыльщики) приходят и говорят: «Щука-рыба! Зовет рыба сом с большим усом пред свое величество». Щука-рыба, не дошедши сом-рыбы, кланялась: «Здравствуй, ваше величество!» – «Здравствуй, щука-рыба, вдова честная! – говорит сом. – Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвечает: «Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает. «Есть же, – говорит, – у меня в том свидетели и письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил – и понынче он черен!»

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государственные посыльщики) приходят к налиму-рыбе и говорят: «Налим-рыба! Зовет тебя рыба сом с большим усом пред свое величество!» – «Ах, братцы! Нате вам гривну за труды и за волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу!»

Эти государственные посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю. А по ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть: ерш из петли и выскочил; пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера – в Трос-реку, из Трос-реки – в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр. «Куда вас черт понес?» – говорит им ерш.

Услыхали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишку-кропачишку, ершишку-пагубнишку! Пришел Бродька – бросил ерша в лодку, пришел Петрушка – бросил ерша в плетушку. «Наварю, – говорит, – ухи да и скушаю!»

Тут и смерть ершова!

МОРОЗКО

Живало-бывало, жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься – бита и недовернешься – бита. А родная дочь что ни сделает – за все глядят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – еще до свету... Ничем старухе не угодишь – все не так, все худо. Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

– Вези, вези ее, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

– Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами. А мачеха по ней уже поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

– Ступай, старик, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места – под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около – короб с богатыми подарками. Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой. А дома старуха печет блинцы, а собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

– Не так твякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка – все свое... Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула – и руки врозь...

– Запрягай, старик, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал. Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки-ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

– Запрягай скорее, старик, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

– Не так твякаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате, серебре везут...»

А собачка – все свое:

– Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

(В обработке А. Толстого.)

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Идет из деревни бык, а навстречу ему – баран. «Куда идешь?» – спрашивает барана бык. «Иду искать лето», – отвечает тот. «Пошли вместе», – говорит бык.

И пошли они вместе. Идут вдвоем, а навстречу им – свинья. «Куда идете, братцы?» – спрашивает их свинья. «Идем от зимы к лету», – отвечают те.

«И я с вами пойду», – просится свинья.

И пошли они дальше. Идут, а навстречу им – гусь. «Куда, гусь, идешь?» – спрашивают они. «От зимы к лету», – отвечает гусь. «Пойдем вместе», – говорит бык.

И пошли они вчетвером. Шли, шли и встретили петуха. «Куда, петух, идешь?» – спрашивает гусь: «От зимы иду к лету», – отвечает петух. «Пошли вместе», – позвал бык.

Идут они и разговаривают между собой: «Приходит зима, наступают морозы: куда деваться?» Бык и говорит: «Надо хату ставить!» А баран говорит: «У меня хорошая шуба, видишь, какая шерсть, я и так зиму перезимую!» А свинья говорит: «Я глубоко в землю зарываюсь; зароюсь в землю и так зиму перезимую!» А гусь с петухом говорят: «У нас по два крыла: взлетим на ель, одним крылом постелемся, другим накроемся и так зиму перезимуем».

И разошлись, кто куда.

Бык остался один и начал ставить хату. Ставил, ставил и поставил. Настала суровая зима: лютые морозы, снегопады и метели. Приходит баран к хате быка и говорит: «Пусти, брат, согреться!»

Бык отвечает: «У тебя хорошая шуба, видишь, какая шерсть, ты и так зиму перезимуешь!»

Баран говорит: «Ежели не пустишь согреться, я разгонюсь и рогами дверь твою в щепки разобью, и тебе будет холодно!» Бык думает: «Что делать? Ведь он меня заморозит». И пустил бык барана в свою хату, и стали они жить вдвоем.

Приходит свинья: «Пусти, братец...» Бык и говорит: «Ты глубоко в землю зарываешься; заройся в землю и так зиму перезимуешь!» Свинья говорит: «Ежели не пустишь, я вырою весь фундамент твоей хаты, и тебе будет холодно!» Бык думает: «Что делать? Ведь она же меня заморозит!» Пустил и свинью. Стали жить втроем.

Приходят и гусь с петухом: «Пусти, братец...» Бык говорит: «У вас ведь по два крыла; взлетите на ель, одним крылом постелитесь, другим накроетесь и так зиму перезимуете!» Тогда гусь и говорит: «Ежели не пустишь, я из стен своим клювом выдергаю мох, и тебе будет холодно!» А петух кричит: «Ежели не пустишь, я влезу на потолок и с потолка своими когтями сгребу землю, и тебе будет холодно!» Подумал, подумал бык и пустил их в хату.

Петух согрелся и начал песни напевать. Бежала лиса по лесу и услышала. Подбежала к окну, смотрит в окно и видит, что у быка есть петух, гусь, свинья и баран. Побежала лиса к волку и медведю; прибежала и говорит: «Знаешь что, куманек, и ты, дядя Михаил Потапыч? Идемте к быку! У быка есть петух, гусь, свинья и баран. Я схвачу гуся и петуха, а вы – свинью и барана».

И пошли. Подходят к дверям, лиса говорит: «А ну-ка, Михаил Потапыч, отворяй дверь!» Медведь открыл дверь, и лиса вскочила в хату. А бык как прижмет ее рогами к стене, а баран давай рогами по бокам осаживать! И до тех пор осаживал, пока из нее дух вон. Потом вскочил в хату волк. Бык волка тоже прижал к стене, а баран рогами его до тех пор тер, пока душа не выкатилась колесом. Медведь тоже было бросился в хату, но они так принялись за него, что он чуть жив выбрался...

А бык с друзьями и до сих пор живут в своей хате. Живут, поживают и добра наживают.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий – дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет. Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

– Сходи, Емеля, за водой!

А он им с печки:

– Неохота...

– Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут!

– Ну ладно!

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял ведра да топор и пошел на речку. Прорубил лед, зачерпнул ведра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

– Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

– Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеется:

– На что ты мне понадобишься? Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить.

Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

– Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю все, что ни пожелаешь.

– Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

– Емеля, Емеля, скажи – чего ты сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы ведра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

– Запомни мои слова: когда что тебе захочется – скажи только: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, ведра, сами домой...

Только сказал – ведра сами и пошли в гору.

Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошел за ведрами.

Идут ведра по деревне, народ дивится, а Емеля идет сзади, посмеивается...

Зашли ведра в избу и сами встали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени – невестки говорят ему:

– Емеля, что ты лежишь? Пошел бы дров нарубил.

– Неохота...

– Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят:

– Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби!

А он им с печки:

– Да вы-то на что?

– Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

– Мне неохота...

– Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял веревку и топор, вышел на двор и сел в сани:

– Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

– Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

– Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, сани, в лес...

Сани сами поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и веревкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют. Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живет, и спрашивает:

– Ты – дурак Емеля?

А он с печки:

– А тебе на что?

– Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

– А мне неохота...

Рассердился офицер и ударил его по щеке. А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить офицера, насилу он ноги унес.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

– Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошел в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

– Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, тогда он все сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

– Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

– Мне и тут тепло...

– Емеля, Емеля, у царя будут хорошо кормить-поить – пожалуйста, поедем.

– А мне неохота...

– Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

– Ну ладно, ступай ты вперед, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал еще и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

– Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

– А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

– Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

– А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь Марья-царевна.

Емеля увидал ее в окошке и говорит потихоньку:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал еще:

– Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полеживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он ее за Емелю замуж.

Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

– Ступай, приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа вин сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошел в ту избу и начал Емелю потчевать. Емеля напился, наелся, захмелел и лег спать. А вельможа положил его в повозку и повез к царю. Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В нее посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли – проснулся Емеля; видит – темно, тесно:

– Где же это я?

А ему отвечают:

– Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

– А ты кто?

– Я – Марья-царевна.

Емеля говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на желтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на желтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из нее.

– Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

– А мне неохота...

Тут она стала его еще пуще просить, он и говорит:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал – появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом – зеленый сад: цветы цветут, и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

– Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

– По щучьему веленью, по моему хотенью – стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит – стоит дворец, где раньше ничего не было.

– Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?» Послы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

– Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведет во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьет и не надивится:

– Кто же ты такой, добрый молодец?

– А помнишь дурачка Емелю – как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я – тот самый Емеля. Захочу – все твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

– Женись на моей дочери, Емелюшка, бери мое царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец.

(В обработке А. Н. Толстого.)

КАК ПЕТУШОК ПОДАВИЛСЯ

Жили-были петушок да курочка. Побежали они к попу на мельницу искать зернышки.

Бегали, бегали, петушок нашел большое зернышко и думает: «Один съем, не дам курочке!» А зернышко-то в горле застряло, петушок и подавился. Увидала курочка, что петушок подавился, и побежала к молочнице просить молока: «Молочница, молочница, дай молочка!» – «Куда с молоком?» – «Петушок подавился у попа на мельнице зернышком!» Молочница сказала: «Беги к сенокосцам, пускай накосят сена, тогда и молочка дам».

Пришла к сенокосцам: «Сенокосцы, сенокосцы, накосите сенца!» – «Зачем тебе, – говорят, – сенца?» – «Молочнице снести». – «Зачем молочнице?» – «Молочка даст». – «Куда с молочком?» – «Петушок подавился у попа на мельнице зернышком!» – «А сбегай, – говорят, – к кузнецам, пускай скуют косу, тогда мы тебе накосим и сена».

Пришла к кузнецам: «Кузнецы, кузнецы, скуйте косу!» – «Зачем коса?» – «Сенокосцам снести». – «Зачем сенокосцам?» – «Сена накосят». – «Зачем сено?» – «Молочнице снести». – «Зачем молочнице?» – «Молочка даст». – «Куда с молочком?» – «Петушок подавился у попа на мельнице зернышком!» – «Сбегай, – говорят, – к угольнице, попроси угольков, тогда и косу скуем».

Побежала курочка к угольнице: «Угольница, угольница, дай угольков!» – «Зачем угольки?» – «Кузнецам снести: они косу скуют». – «Зачем коса?» – «Сенокосцам снесу: они сена накосят». – «Куда с сеном?» – «Молочнице дать». – «Зачем молочнице?» – «Молочка даст». – «Куда с молочком?» – «Петушку дать: петушок подавился у попа на мельнице зернышком».

Угольница дала угольков, курочка потащила их к кузнецам, кузнецы сковали косу, она потащила ее сенокосцам, сенокосцы накосили сена, она сено потащила к молочнице, молочница дала молочка, курочка принесла молочко, а петушок уже задохся...

И молочко не помогло!

КУРОЧКА, МЫШКА И ТЕТЕРЕВ

В далекие времена жили-были курочка, мышка и тетерев. Однажды нашла курочка ячменное зерно и от радости даже раскудаhtалась: «Нашла зерно, зерно нашла!.. Надо его смолоть! А кто понесет на мельницу?» – «Не я», – сказала мышка. «Не я», – сказал тетерев.

Нечего делать, взяла курочка зерно и понесла. Пришла на мельницу, смолола зерно. «Кто домой муку нести будет?» – спросила. «Не я», – сказала мышка.

«И не я», – сказал тетерев.

Нечего делать, взяла курочка муку и принесла домой. «Кто хлеб замесит?» – спросила курочка. «Не мы», – крикнули мышка и тетерев.

Замесила курочка тесто, и печку затопила, и хлеб сама посадила в печь. Вышел каравай на славу: пышный да румяный. Курочка на стол его поставила и спрашивает: «А кто есть его будет?» – «Я», – сказала мышка. «И я», – сказал тетерев. И оба залезли за стол.

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши – все собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалась; шел паром через реку да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день – на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней подавливать: издали увидит леща, хватъ его зубами – леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой!

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходится: щука всех приест, прикарнает. Собралась вся мелкая рыбица; стали думать, как извести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел Ерш Ершович и так наскоро сказал: «Полно думать да голову ломать, полно мозг портить, а вот послушайте, что я буду баить. Тошно нам всем теперь в Шексне: щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить – в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, будем мы жить припеваючи да деток наживаючи!»

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из их братьи изловил на удочку и сварил славную ушицу, да тем, кажется, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда попадетсѧ стерлядка, да тем и ловле шабаш!

Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама не сдобровала: как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная!

Я там был, уху хлебал; по усам текло, а в рот не попало...

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Подружилась лиса с журавлем, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости.

– Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!

Идет журавль на званный пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке.

Подала и потчевает:

– Покушай, мой голубчик – куманек! Сама стряпала.

Журавль клоп-клоп по тарелке носом, стучал, стучал, ничего не попадает!

А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала. Каша съедена.

Лисица говорит:

– Не обессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем.

– Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, налил в кувшин с малым горлышком поставил на стол и говорит:

– Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел.

– Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошло как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

(Фольклорный фонд им. проф. В. Н. Морохина. Записано Краснопевцевой Т. Ф. со слов Мамонтовой Зинаиды Александровны 1950 года рождения в г. Нижнем Новгороде, 20 апреля 2000 года.)

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему:

- Терентий, Терентий! Я в городе была.
- Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была.
- Терентий, Терентий! Я указ добыла.
- Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла.
- Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам.
- Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять.
- Терентий! Кто там едет? – спрашивает лиса, услышав конский топот и собачий лай.
- Мужик.
- Кто за ним бежит?
- Жеребенок.
- Какой у него хвост-то?
- Крючком.
- Ну, так прощай, Терентий! Мне дома недосуг.

(Фольклорный фонд им. проф. В. Н. Морохина. Записано Духтиной Т. Н. со слов Духтиной Елизаветы Григорьевны 1923 года рождения в г. Нижнем Новгороде 12 апреля 2000 года.)

ЛИСА И ЛАПОТЬ

Шла лиса по дорожке и нашла лапоть, пришла к мужику и просится:

– Хозяин, пусти меня ночевать.

Хозяин говорит:

– Негде, лисонька! Тесно!

– Да много ли нужно мне места!

Я сама лягу на лавку, а хвост спрячу под лавку.

Пустил ее ночевать. Лиса и говорит:

– Положи мой лапоть к вашим курочкам.

Положил хозяин лапоть в курятник, а лисонька ночью встала и выбросила свой лапоть в окно. Поутру встает она и спрашивает:

– Где мой лапоть?

А хозяева говорят:

– Лисонька, ведь он пропал!

– Ну, тогда отдайте мне за него курочку.

Взяла лиса курочку, приходит в другой дом и просит, чтобы ее пустили переночевать, а курочку посадили к хозяйским гусям.

Ночью лиса припрятала курочку, а утром получила гуся. Идет довольная, что всех обманула. Шла она так, шла. Увидела новый дом и просится переночевать. Да говорит, чтобы гуся посадили к барашкам. Опять схитрила, взяла за гуся, барашка и пошла еще в один дом.

Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к бычкам. Ночью лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы ей отдали бычка.

Всех – курочку, гуся, барашка и бычка – лиса спрятала. Взяла шкуру, набила соломой – получился бычок. Лиса поставила его на дороге.

Идут медведь с волком, а лиса и говорит:

– Возьмите сани, да поедem кататься.

Вот они украли сани и хомут, впрягли бычка, уселись в сани. Лиса стала править и кричит:

– Бычок, соломенный бочок. Сани чужие, хомут не свой, погоняй, не стой!

Бычок не идет.

Она прыгнула из саней и закричала:

– Оставайтесь, дураки!

А сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и давай рвать бычка: рвали, рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись в разные стороны.

Вот так хитрая лиса всех обманула.

А тут мимо бежали собаки, увидели лису – и за ней. Такую трепку ей задали, чтобы неповадно было обманывать других. Отобрали и курочку, и гуся, барашка и бычка. А лиса убежала в лес с потрепанным хвостом. Так ей и надо!

ЛИСА И КОЗЕЛ

Бежала однажды лиса по дороге, засмотрелась на ворону и упала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, но и выскочить тоже нельзя.

Сидит лиса в колодце и думает, что делать?

В это время по дороге шел козел – умная голова. Заглянул в колодец и увидел там лису.

– Что ты там, лиса, делаешь?

– Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса. – Наверху жарко, а здесь прохладно, хорошо! Воды холодной – сколько хочешь!

А козел давно пить хотел.

– А хороша ли вода? – спрашивает козел.

– Отличная! – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, если хочешь. Здесь и тебе, и мне место есть.

Прыгнул козел в колодец, а она ему говорит:

– Эх ты, и прыгнуть-то не умеешь – всю меня обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины – на рога, так и выскочила из колодца.

А козел чуть было не умер с голоду в колодце. Еле нашли его и за рога вытащили.

ВОЛК И ЛИСА

Жили волк и лиса. У волка избушка хворостяная, у лисички – ледяная. Пришла ростепель, у лисы избушка растаяла. Явилась лиса к волку на ночлег проситься:

– Пусти меня, куманек, обогреться!

– Мала моя избушка, – говорит волк. – Одному повернуться негде. Куда тебя пушу?

Не пустил волк лису.

Явилась лиса другой раз, явилась третий. Заладила каждый день к волку ходить:

– Хоть на приступочку, куманек, пусти!

Сжалился волк, пустил лису. Первую ночь лиса на приступочке спала, на вторую забралась в избу, а на третью на печи развалилась. Волк спит под печью, внизу, а лиса на печи. И всю-то ночь сама с собой разговоры разговаривает.

Услыхал волк, спрашивает:

– Кто у тебя, кума?

– Никого, куманек, нету.

Легли спать, а лиса, знай, лапкой в печную трубу стучит: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!» Проснулся волк:

– Выйди, кума, спроси: кто там стучится?

Вышла лиса в сени. А из сеней забралась в кладовушку, где волк запасы берег. Стала в кладовушке сметанку да маслице слизывать. Лижет и приговаривает:

– Хороша у волка сметанка! Вкусное маслице!

Вылизала все маслице и сметанку, муку рассыпала. Вернулась на печь, облизывается.

– С кем ты, кумушка, в сенях разговаривала? – спрашивает волк.

– Это за мной послы приезжали, – отвечает лиса. – Звали меня на свадьбу, на почестный пир. Да отказалась я ехать.

Поверил волк лисе.

Утром задумал волк блины печь. Говорит лисе:

– Я буду дрова носить, печку топить. А ты сходи, кумушка, в кладовушку, посмотри там хорошенько. Было у меня и маслице, и сметанка, была и мучица. Печку затопим, напечем блинчиков.

Пошла лиса в кладовушку. Явилась из кладовушки, волку говорит:

– Я под старость слеповата стала, вижу плохо – ничего не нашла в твоей кладовушке.

Сходи, куманек, сам.

Пошел волк сам в свою кладовушку. На полочки посмотрел, под полочки поглядел: все в кладовушке подлизано! Вернулся, спрашивает у лисы:

– Не ты ли у меня, кумушка, сметанку и маслице слизала да муку рассыпала?

Стала отрекаться лиса:

– Я слепа и убога. Не видала маслица, не лизала сметанки, не рассыпала твоей муки!

Снова поверил волк хитрой лисе, оставил до весны в избушке жить.

Жила лиса до весны, жила до холодной осени.

И теперь у волка в избушке живет.

КАК ЛИСА ВОЛКУ ШУБУ ШИЛА

Идет волк по лесу. Видит, дятел долбит дерево; он ему и говорит: «Вот ты, дятел, все долбишь и долбишь, работаешь, работаешь, а хатки за свой век построить не можешь!» А дятел волку и говорит: «А ты, волк, все режешь и режешь скот, а кожуха за свой век не сошьешь!» Подумал волк, что дятел правильно ему говорит, приходит к лисе: «Лиса, сшей мне шубу. А я тебе принесу овечек!»

Согласилась лиса.

Вот волк приносит лисе овец: одну, другую, третью, а шубы все нет. А лиса мясо съест, шерсть же на базаре продаст. Наконец, волк и спрашивает: «Когда же, лиса, шуба готова будет?» А лиса говорит: «Сегодня к вечеру шуба готова будет, надо только на обводы шерсти. Пойди к людскому огороду, там лошадь стоит. Ты зарежь ее и принеси хвост и гриву на обводы!»

Пошел волк и видит лошадь. Подкрался к ней сзади и только хотел вцепиться в нее зубами, она как ударит его копытами – и убила насмерть...

И сейчас по снегу волчьи косточки блестят.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелковую, пить воду студеную. Как только уйдет – козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

*– Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку
Из вымечка – по копытечку
Из копытечка – во сыру землю!*

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдет в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поет коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал грубым голосом:

*– Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытца водицы!*

Козлята ему отвечают:

– Слышим, слышим – да не матушкин это голосок! Наша матушка поет тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошел он на кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал, волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

*– Козлятушки, ребятушки!
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку
Из вымечка – по копытечку
Из копытечка – во сыру землю!*

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

– Кто придет к избушечке, станет проситься грубым голосом да не переберет всего, что я вам причитываю, – дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шаст к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

– Козлятушки, ребятушки!

*Отпритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку
Из вымечка – по копытечку
Из копытечка – во сыру землю!*

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел, только один козленочек схоронился в печке.

Приходит коза: сколько ни звала, ни причитывала – никто ей не отвечает.

Видит – дверь отворена, вбежала в избушку – там нет никого. Заглянула в печь и нашла там одного козленочка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку – начала горевать, горько плакать:

– Ох, вы детушки мои, козлятушки!
На что отпирались-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдем лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костер горел. Коза и говорит волку:

– Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлятки оттуда выскочили, все живые – прыг к матери!
И стали они жить-поживать по-прежнему.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

– И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду.

Один заяц и говорит:

– Стойте, ребята! Подождем топиться: вот лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: они и нас боятся!

КОЗА-ДЕРЕЗА

Были-жили старик да старушка, и была у них дочь. Держали они козу. И очень старик эту козу любил, никому не доверял ее кормить – только дочери. Раз он посылает дочь:

– Поди, покорми козу!

И вот дочь погнала козу в лес, поит, кормит целый день и гонит обратно домой. А старичок дожидается у ворот и спрашивает сразу:

– Коза ты моя, козынька, что сегодня пила и ела?

– Твоя дочка прогоняла меня целый денек, а я съела один только листок!

Осерчал старик и говорит:

– Ну, старуха, завтра ты иди!

Вот погнала на другой день старуха козу в лес. Пасет целый день, поит, кормит, а вечером ждет старик опять козу домой и спрашивает:

– Коза ты моя, козынька, что сегодня пила, ела?

– Гоняла твоя старушка меня целый денек, я только успела схватить один листок! Осерчал старик:

– Ну, ладно, завтра сам пойду пасти!

И вот пошел старик сам пасти. Коза целый день ест, пьет. Так день прошел. Прибежал старик домой раньше козы, вышел навстречу:

– Ну, коза ты моя, козынька, что сегодня пила, ела?

– Сегодня пробежала целый денек, схватила один только листок!

– Ну, держите козу, сейчас зарежу... Давайте нож!

Коза видит, что хозяин хочет ее зарезать, рванулась и бежать. И убежала. Бежала, бежала, прибегает в лес – в зайчикову избушку, завалилась на печь и лежит. Вдруг зайчика прибегает:

– Кто, кто в мою избушку зашел?

А коза с печи отвечает:

– Я – коза-дереза,
За три гроша куплена,
Под бока луплена!
Топну, топну ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,

Хвостиком подмечу!

Зайнышка испугался, побежал прочь. Попадает ему навстречу лиса:

– Что, зайнышка, плачешь?

– Не знаю, кто-то в избушку пришел, не могу выгнать!

– Ну, пойдем, я выгоню!

Вот пошли они; приходит лиса на порог и кричит:

– Поди отсюда прочь!

Отвечает коза:

*– Я – коза-дереза,
За три гроша куплена,
Под бока луплена!
Топну, топну ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!*

Лиса испугалась, прочь побежала, и зайнышка вслед бежит, плачет. Попадает волк навстречу:

– Что ты плачешь?

– Да вот не знаю, кто-то в избушку зашел, не могу выгнать!

– Ну, пойдем, я выгоню!

И пошли. Приходит волк к избушке и кричит:

– Кто в избушке зайнышкиной, ступай прочь!

*– Я – коза-дереза,
За три гроша куплена,
Под бока луплена!
Топну, топну ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!*

И волк испугался, побежал прочь. Идет зайнышка, плачет. А навстречу ему медведь:

– Что ты, зайнышка, плачешь?

– Да не знаю, кто-то зашел в избушку, не могу выгнать.

– Ну, пойдем, я тебе помогу!

Пришел медведь к избушке и закричал:

– Выходи прочь, кто здесь сидит!

А коза с печи отвечает:

*– Я – коза-дереза,
За три гроша куплена,
Под бока луплена!
Топну, топну ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!*

Подумал медведь, испугался и прочь побежал. Идет зайныка, плачет. Вдруг петушок навстречу:

– Здорово, зайныка, что плачешь?

– Да вот забрался кто-то в избушку, не могу выгнать!

– Пойдем, я выгоню.

И пошли. Пришли, петушок взлетел на порог и закричал:

– Кто в зайныкиной избушке, выходи прочь!

Отвечает коза:

*– Я – коза-дереза,
За три гроша куплена,
Под бока луплена!
Топну, топну ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!*

Петушок не испугался и говорит:

*– А я иду на ногах,
В красных сапогах!
Несу косу,
Твою голову снесу —
По самые плечи!
Полезай с печи!*

Коза так сильно испугалась, что упала с печи, разбилась и тут же околела. Петушок да зайныка насилу вытащили ее, а сами стали жить да быть в избушке.

И до сих пор живут.

ЗАЯЦ-ХВАСТА

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо – приходилось к крестьянам на гумно ходить, овес воровать.

Приходит он к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

– У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь.

Зайцы и рассказали тетке вороне про эту хвасту. Тетка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокоринной. Заяц испугался:

– Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

– А как ты хвастал?

– А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

– Более не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел. И думает: как бы вороне помочь.

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидели зайца, бросили ворону – да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

– Вот ты молодец, не хваста, а храбрец!

ВОРОНА И РАК

Летела ворона по-над морем, смотрит: рак ползет – хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

– Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и твою мать – славные были люди!

– Угу! – ответила ворона, не раскрывая рта.

– И братьев и сестер твоих знаю: что за добрые были люди!

– Угу!

– Да все же хоть они и хорошие люди, а тебе не ровня. Мне сдается, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во все горло и упустила рака в море.

(А. Н. Афанасьев. «Русские детские сказки». В обработке М. В. Толстикова.)

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

– Что, лисица, умеешь ли летать?

– Нет, не умею.

– Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унес ее журавль высоко-высоко.

– Что, лисица, видишь ли землю?

– Едва вижу: с овчину земля кажется!

Журавль ее и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сennую кучу.

Журавль подлетел:

– Ну как, умеешь, лисица, летать?

– Летать-то умею – садиться тяжело!

– Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унес он ее и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю.

Так лисица и не научилась летать.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу – пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть – пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта – опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

– Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

– Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

– Ах, Котофей Иванович! – говорит лиса. – Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

– Котофей Иванович, женат ты или холост?

– Холост.

– И я лисица-девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

– Стой, лиса! Отдай утку!

– Нет, не отдам!

– Ну, я сам отниму.

– А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

– А кто такой Котофей Иванович?

– Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

– Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

– У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса – домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

– Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

– Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

– А кто такой Котофей Иванович?

– А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы, Котофея Ивановича, жена.

– А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

– У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса – домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит – и медведь лезет с быком.

– Здравствуй, Михайло Иванович!

– Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

– Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

– А ты сходи-ка к ним, позови, – говорит медведь волку.

– Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

– Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Откуда ни возьмись – бежит заяц.

Волк и медведь как закричат:

– Поди сюда, косою!

Заяц так и присел, уши поджал.

– Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть.

А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

– Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

– А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идут ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к Лисицыной норе:

– Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

– Ступай, косою, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисой. Медведь увидел их и говорит волку:

– Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

– Мау! Мау!

Медведь опять говорит волку:

– Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что этомышь, да как кинется – и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, – думает медведь, – увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил, вскочил – да наутек.

А лисица вслед кричит:

– Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать.

И теперь живут.

КОЧЕТОК И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком.

Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.

Курочка пошла – плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

– Курочка, курочка! Что ты плачешь?

– Мне кочеток вышиб глазок.

– Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

– Мне орешня портки разорвала.

– Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

– Меня козы подглодали.

– Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

– Нас пастухи не берегут.

– Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережете?

– Нас хозяйка блинами не кормит.

– Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?

– А у меня свинья опару пролила.

– Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

– У меня волк поросеночка унес.

– Волк, волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?

– Я есть захотел.

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

ЛЕВ, ЩУКА И ЧЕЛОВЕК

Раз на реке лев со щукой разговаривал, а человек стоял поодаль и слушал.

Только щука увидела человека, сейчас же ушла в воду.

Лев ее после спрашивает:

– Чего ты ушла в воду?

– Человека увидела.

– Ну, так что же?

– Да он хитрый.

– Что за человек? – спрашивает лев. – Подай мне его, я его съем.

Пошел лев человека искать. Идет навстречу мальчик.

– Ты человек?

– Нет, я еще не человек. Я мальчик. Еще когда буду человеком-то!

Лев его не тронул, прошел мимо. Идет навстречу старик.

– Ты человек?

– Нет, батюшка лев! Какой я теперь человек! Был когда-то человеком.

И этого лев не тронул:

– Что за диковина! Не найдешь человека нигде!

Шел, шел лев, встретил солдата с ружьем и с саблей.

– Ты человек?

– Человек.

– Ну, я тебя съем!

– А ты погоди, – говорит ему солдат. – Отойди от меня, я сам тебе в пасть кинусь.

Разинь пасть пошире!

Лев отошел, разинул пасть. Солдат наметился да как бабахнет из ружья! Потом подбежал да саблей ухо у льва отсек. Лев – бежать.

Прибегает к реке. Выплывает щука, спрашивает:

– Ну что, видел человека?

– Да что, – говорит лев, – хитер человек! Сразу-то я его не нашел: то говорит, что был человеком, то говорит, что еще будет человеком, а как нашел человека – так я и не обрадовался. Он мне велел отойти да раскрыть пасть, потом как плюнет мне в пасть, и сейчас еще жжет, а потом как высунет язык, да ухо мне и слизнул!

– То-то же, я тебе говорила, что хитер человек...

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и – тук-тук! – хвостом по дереву.

Взглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

– Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

– Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

– Ну, накормишь пирогами да медом – не буду дерева рубить!

– Вот пойдем со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

– Давай поймем эту птичку!

– Да где нам с тобой поймать!

– Как-нибудь поймем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут – тук-тук! – хвостом по дереву:

– Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить.

– Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

– Ну, пойдем скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит – едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором – и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

А пиво из бочки на дорогу льется. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в свое гнездо. Лисица опять тут как тут – тук-тук! – хвостом по дереву:

– Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

– Накормил!

– Напоил ты меня?

– Напоил!

– Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повел дрозд лису в деревню. Видит – старуха корову доит, а рядом старик лапти плетет. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

– Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда!

И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал. Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать. Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в свое гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

– Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

– Накормил!

– Напоил ты меня?

– Напоил!

– Рассмешил ты меня?

– Рассмешил!

– Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

– Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним – глаз не открывает.

Привел дрозд лису прямо на охотников.

– Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак – и наутек. А собаки – за ней. Едва добралась до своей норы.

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам.

Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петть: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес – разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает: скоро ли петух подойдет.

А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе.

В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала-думала, да и придумала: «Дай прельщу его!»

Подходит к дереву и стала здороваться:

– Здравствуй, Петенька!

«Зачем ее лукавый занес?» – думает петух.

А лиса приступает со своими хитростями:

– Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить. Ты, Петя, на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подниму.

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:

– Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь: попомнишь про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..

– Ах, лиса! – говорит петух. – Ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирынею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух – порх на дубок.

(А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки». В обработке М. В. Толстикова.)

ЛИСА И КУВШИН

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда – головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

– Ну, кувшин, пошутил, да и будет, – отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать – поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

– погоди же ты, проклятый, не отстанешь честью, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

(В обработке К. Д. Ушинского, а также М. В. Толстикова.)

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

Убежала у одного мужика овца.

Навстречу ей – лиса:

– Куда, овечка, идешь? Куда путь держишь?

– Ох, лисичка-сестричка! Была я у мужика, да житья мне не стало: где баран сдурит-напроказит, а все я виновата! Вот и вздумала уйти куда глаза глядят.

– И я тоже! – говорит лиса. – Где коршун ли, ястреб ли курочку словят, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе!

Встретился им голодный волк:

– Овца и лиса, далече ли бредете?

Лиса ему:

– А куда глаза глядят!

– Пойдемте вместе!

Пошли они втроем.

Вдруг волк говорит овце:

– А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой!

Лиса услышала это и подхватила:

– Вправду, братец, твой?

– Верно говорю, мой тулуп.

– И к присяге пойдешь?

– Пойду, – говорит волк.

– Тогда целуй присягу!

Лиса сметила, что мужик на тропинке поставил капкан. Подвела волка к капкану и говорит:

– Вот здесь и целуй!

Волк сдуру сунулся туда мордой; капкан щелкнул и ухватил его.

Лиса с овцой убежали подобру-поздорову.

(В обработке А. Н. Толстого, а также М. В. Толстикова.)

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ!

Пошел козел лыки драть, а коза орехи рвать.
Пришел козел с лыками — нет козы с орехами.
Нет козы с орехами, нет козы с калеными!
— Ну, добро же, коза! Пошлю на тебя волка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.